

ВЛИЯНИЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК ИРАНА

Г.Т.Жумадилова

Старший преподаватель кафедры арабистики и иранистики факультета
Востоковедение КазНУ им.аль-Фараби

Р.Э.Шупанова

Преподаватель кафедры арабистики и иранистики факультета
Востоковедение КазНУ им.аль-Фараби, магистр
gaini/kaznu.kz@mail.ru, roza_sh_e@mail.ru

Мақалада түрік тілінің парсы тіліне әсері, оның тарихи және қазіргі тілдегі қолданылысы туралы айтылады.

Түйін сөздер: ирантану, титулат, бейімделу, симбиоз, диглоссия.

В статье рассматривается влияние турецкого языка на персидский язык Ирана, его история и применение в современном персидском языке.

Ключевые слова: иранистика, титулат, адаптация, симбиоз, диглоссия.

This article is concerned on Turkish influence on Persian, its history and role in modern Persian.

Key words: Iranian study, titled, adaptation, symbiosis, diglossia.

Языковые контакты носителей тюркских и иранских языков наблюдались ещё с доисламских времён, хотя степень ранних устных контактов и двуязычия (билингвизма) не может быть документирована в абсолютно точной мере. Тем не менее, давно отмечено, что некоторые из характерных особенностей, отличающих поздний среднеперсидский и новоперсидский структурно от старых форм персидского языка, являются общими с тюркскими языками - в частности, отсутствие грамматического рода и согласования прилагательного, а также использование существительного в единственном числе после числительных [3, 57-59]. Лингвистическое сближение в исламский период проявилось в виде влияния персидского языка на тюркские языки, т. е. в лексике и синтаксисе литературного османского и чагатайского языков, а также их языков-преемников: современные турецкий и узбекский языки. Но лучше всего документально зафиксировано обратное явление этого феномена – лексическое и структурное влияние тюркских языков на персидский язык [3]. При этом следует различать два взаимодополняющих пути формирования языковой карты Ирана. С одной стороны, по причине иранизации большинства тюркоговорящих наместников Газневидов и Сельджуков, которые покровительствовали персидской литературе в своих подчинённых территориях, расширение влияния правящих империй повлекло за собой и расширение территориального распространения письменного персидского на завоеванных областях, в частности, в Анатолии и Центральной и Южной Азии. С другой стороны, массовый приток тюркоговорящих групп (кульминацией которого явилось пришествие монгольских войск) и их

оседание в крупных районах Ирана (особенно в Азербайджане и на северо-западе Ирана), постепенно тюркизировали местное население, говорящее на персидском, курдском и других иранских языках. Следует помнить, что эти изменения происходили параллельно и дополнили друг друга.

Если говорить о лексических заимствованиях, то существуют сотни заимствований из турецкого всех периодов его развития, перечисленные в работах Герхарда Дюерфера. Он указывает на наличие около 1200 заимствований из азари, а в нескольких статьях Турхана Ганджеи также имеется ряд турецких слов и фраз из стихотворений на персидском языке домонгольских времен. Все это свидетельствует о продолжающемся процессе симбиоза турок и персов, особенно в сферах политики и культуры. Ни один из этих примеров, однако, не может быть использован в качестве документационного доказательства длительного влияния турецкого языка на персидский язык. Многое, возможно даже большая часть, лексики из тюрко-монгольского словаря классической персидской истории эфемерна, так как она, например, содержит устаревшие военные и административные термины, такие как (полицмейстер, старший полицейского надзора). Аналогичным образом, большинство турецких слов продемонстрированы в персидской поэзии таких поэтов, как Низами, Хакани, Сузани и Руми, как крайне нестойкие примеры их употребления - они никогда не были включены, даже временно, в персидский словарь; такие формы глагола и фразы, в частности (например, «*otur*» сесть, «*qonaqgerek?*» нужен гость?), не могли даже рассматриваться в качестве кандидатов на лексическое заимствование. Как и Абу Нуфаса в его макаронической «*Fahlawiyyāt*», поэты лишь умышленно насыщают речь словами другого языка, чтобы добиться резких контрастов.

Литературные ссылки действительно иногда демонстрируют и даже инициируют включение в язык лексики, фразеологии и синтаксических калек. Например, изречение Мауланы: « », в третьей книге Маснави [6] соответствует и ныне существующей турецкой поговорке «*Balık baştan kokar*», «Балық басынан шіриді», «Рыба гниет с головы». Как действительно народный поэт, упивавшийся популярными поговорками и шутками, Руми был более склонен, чем большинство других писателей-классиков, включать элементы турецкой речи, даже в завуалированном виде. Эта поговорка, однако, по-прежнему чаще употребляется в Турции, чем в Иране. Тюркоязычная поговорка Азербайджана, долгое время бывшая в употреблении в говорах центрального и южного Ирана, среди большинства говорящих на персидском языке [1, 32-34], была популяризована Мохаммадом-Али Джамалзаде, и получила известность в качестве названия сатирической повести в его знаменитой коллекции (1926). Джамалзаде не нужно было переводить выражение: «*Biledig, bileço ʔ ondar*» (букв. «Такой (большой) горшок (для) такой (большой) свеклы» - красочный исфаханский комментарий к маловероятной сказке), таков был успех рассказа, что фраза была принята на национальном уровне в ее исходном внешнем виде, так же как, например, в турецком языке из английского языка

было заимствовано выражение «plusça change». Если основным ареалом устойчивого турецкого влияния является разговорная речь, то естественно, что его следует искать в повседневной персидской речи, или, по крайней мере, в письменности, в которой предприняты попытки сохранить народную фразеологию.

Вместо перечисления десятков ежедневных турецких заимствований, еще актуальных в персидском языке (например, , , , , , и т.д.), представим в следующих таблицах несколько заимствований, которые структурно внедряются (или уже были внедрены) в морфологическую, синтаксическую или социальную модель персидской лексики. На этих примерах возможно увидеть, как слова турецкого языка постепенно, незаметными, обходными путями проникли в персидский язык прижились так, что эти слова даже не определяются как тюркизмы.

Например:

Персидский	Турецкий (в персидском)
<i>а) Лексико-морфологическое смешение</i>	

Данные термины представляют из себя турецкие заимствования и персидско-турецкие гибриды: в основном образованные по образцу десятичной системы турецко-монгольских войск, тем не менее, большинство терминов выражены сочетанием персидских числительных и турецких суффиксов, например как «тысячник»- , «сотник»- , но , , [8, 277]. Аналогичное лексико-структурное сочетание, которое сохранилось до наших дней - продуктивное использование в персидском языке турецкого деноминативного агентивного суффикса – . Такие производные были сформированы на основе исконных персидских слов (или ассимилированных заимствований): « » - охотник, « » - почтальон (через французский язык).

Персидский	Турецкий (в персидском)
<i>б) Социолингвистический вклад</i>	
(кухонный, столовый)нож	(складной) нож
(высокий стиль) госпожа	(повседневное обращение к женщине) госпожа
(верховая) лошадь	(рабочая) лошадь
(литературное, официальное) тихо, неторопливо, медленно	(повседневное, разговорное) тихо, неторопливо, медленно

А вышеуказанные примеры показывают тенденцию турецких заимствований занимать низший социостилистический регистр языка по

сравнению с их персидскими соответствиями, с которыми они могут в определенной степени семантически расходиться. В условиях смешения культур и языков некоторые из полученных синонимов могут распределяться в соответствии с социальным классом. Аналогичный подбор синонимов по социостилистическому регистру можно наблюдать в некоторых секторах персидского языка (как элитного языка) и турецко-персидского наречия (как разговорного повседневного языка). Таким образом, в то время как персидский является холодным оружием героя или нейтральным кухонным ножом, турецкое, как правило, означает складной перочинный нож в руках хулигана; персидское является литературным словом, указывающим на высокий статус женщины, же – повседневное обращение. Персидское имеет значение «верховой конь», турецкое соотносится с рабочей лошадью. Из синонимов для «тихо, мягко, неторопливо, медленно», « » является формальным или литературным словом, « » - повседневное разговорное выражение.

Наиболее тонкое социолингвистическое проявление тюркизации персидского языка можно увидеть в синтаксисе определенных ономастических именных выражений. Ниже в виде таблицы приведены примеры изменения в порядке слов в королевской титулатуре от типа с препозиции титула (, ,) к типу с постпозицией титула (, ,). Последний из них является стандартной постановкой титула в Иране с конца правления династии Сефевидов, что свидетельствовало о принятии турецкого синтаксиса (т.е. модификатор перед основой, как в Mehmet ağa, Süleyman padişah) вместо персидского именованного словосочетания (основа перед модификатором; титул, ранг или должность являются постоянным членом, в то время как модификатор (имя собственное) - переменная).

Например:

Персидский	Турецкий (в персидском)
<i>а) Исторический</i>	
<i>б) Современный</i>	
	(складной) нож
(высокий стиль) госпожа	(повседневное обращение к женщине) госпожа
(верховая) лошадь	(рабочая) лошадь
(литературное, официальное) тихо, неторопливо, медленно	(повседневное, разговорное) тихо, неторопливо, медленно

Эти примеры отражают лишь поздний этап процесса, который ведет свое начало со времен тимуридов, а может быть предположительно и раньше.

К примеру, *hān* и *āğa*, этимологически находятся в постпозиции и обозначают принадлежность к правящему (турецкому) дому, будь то Сефевиды или Каджары, подражая тому, как принято в турецком синтаксисе при постановке таких обращений, как *Khan* и *Ağa*. Титул *hān* (арабского происхождения), также находился в постпозиции, когда в ранний период правления Каджаров он был девальвирован в сан старосты деревни [8, 221-223]. Именно эти тюркизмы первоначально выразили политическое господство турецких военных династий над персоязычным миром. В Иране данный синтаксический сдвиг дал возможность обесцененным понятиям *hān* и *āğa* использоваться препозиции в соответствии с персидским синтаксисом для метафорического использования в титулатуре суфийских лидеров и бюрократов и писателей, представляющих социальные ниши, в которых персы достигли культурной и можно сказать политической известности: к примеру *hān-āğa*, *āğa-hān*, *hān-āğa*, *āğa-hān*. Необходимо обратить внимание на то, что «*hān*» - царь, в то время как «*āğa*» - священнослужитель у святыни в Кумишех.

Традиционный порядок слов турецких обращений, заимствованных персидским языком, внес свои коррективы в синтаксис персидского языка. Когда при правлении Реза-шаха в Иране была принята традиция оформлять фамилии в европейском стиле, турецкие *hān* и *āğa* были иранизированы, т.е. адаптированы к словосочетаниям с изафетом. Ряд названий кулинарных деликатесов, таких как *hān-āğa*, *āğa-hān* и т.д., являются устойчивыми турецкими синтагмами этого же периода, когда придворные повара Тимуридов и Сефевидов готовили для смешанной тюрко-персидской королевской культуры. Персидская синтаксическая структура с изафетом временами тоже используется, как, например, *hān-āğa* [8].

С лексической точки зрения влияние двора Сефевидов, конечно же, не ограничивается персидским языком. Новый пласт тюрко-персидских заимствований (некоторые временные, другие устоявшиеся), повлиявший ранее на иранскую лексику, ассимилировал языки Кавказа. Одним из таких примеров является грузинское *supra*, обозначающее праздничный банкет с серией тостов и потреблением большого количества алкоголя - родственное персидскому *sofra*, что в настоящее время относится к благочестивой трапезе, где алкоголь был бы совершенно неуместен. Утерянная связь между ними - королевский банкет (*Sofra*) ранних правителей Сефевидов, где Шах и его военачальники почитали тюрко-монгольские степные традиции, чествуя друг друга за богатым столом [8, 277].

Пожалуй, самой интересной является сфера семантического влияния турецкого языка, когда этимологически персидский или персидско-арабский термин приобретает особый смысл в контексте тюркского звучания и уже в этом новом смысле возвращается обратно в персидский язык (данный процесс известен как этимологическая репатриация). Показателен в этом смысле случай с заимствованным из арабского языка словом *hān*, которое, вероятно, некоторое время было в составе лексики турецкого языка, а затем вернулось в персидский. В первом смысле это - путешественник, пассажир;

во втором – временный житель (гостиницы), проезжий. Оба эти значения имеются и в персидском, и в турецком языке Турции и Азербайджана, но в то время как в (литературном) персидском оригинальное значение «путешественник» является первичным, в турецком основным является производный смысл «житель гостиницы, проезжий». Действительной причиной этого процесса можно считать наплыв тюркоговорящих групп людей в метрополии (особенно Тегеран Каджаров в начале 19 века) с целью занять важные социально-экономические ниши в городской жизни.

Аналогичные процессы происходили в некоторых политических, технических, коммерческих и административных терминах из арабского языка, которые вошли в состав персидской лексики в период 19-го века. Такие слова, как «национальность», «военно-морской флот», «коммандитное товарищество» были созданы впервые в Османской Турции и быстро распространились, проникая в лексику персидского и даже арабского языка. Термин, по-прежнему использующийся до сегодняшних дней, являющийся определенным образом калькой с французского языка и попавший в лексику персидского языка посредством турецкого языка в начале 20-го века, является «(военный, политический) фронт». Конечно же, слово , позже «лоб», является подлинно арабским словом, появляющимся и в классическом персидском и турецком языках, но военная метафора «линия фронта» не утверждается в письменности вплоть до 20-го века, даже в арабском языке.

Высокий статус, достигнутый турецким языком в качестве языка правящей элиты, был утерян им в Иране с ассимиляцией и окончательной утратой власти тюркоязычными династиями последних столетий. Турецкая лексика и тюркизмы, никогда настолько не имевшие распространения в персидском, как арабские элементы, довольно легко ассимилировали и сегодня находятся в нижних социальных регистрах современной персидской речи. В отличие от арабского языка, тюркизмы не стали принадлежать высокому стилю литературной персидской речи. Даже при переводе с турецкого на персидский основной контекст языкового влияния не так явен, что происходит по двум причинам: 1) Перевод изначально был устным, как и в случае фольклорных сборников, таких как шутки Муллы Насреддина, и даже сказки в переводе с турецкого на персидский азербайджанского писателя-билингва Самада Бехранги в его сборнике « ». Оригинальный текст недоступен для сравнения, и по этой причине следы, оставленные от калек турецких выражений, легко пропустить и трудно доказать их происхождение.

2) Перевод часто производится неосознанно и является оригинальным произведением писателей-билингвов, таких как Мирза Абд ар-Рахим Талибов (примерно 1844-1910), поэт Шахрияр или статьи в сатирическом журнале «Молла Наср ад-дин».

В заключение можно предположить, что такое тесное партнерство с турецким языком является одной из причин, почему в персидском языке не стало наблюдаться жесткой диглоссии (несбалансированное по функциональному показателю двуязычие) в той или иной степени с арабским

или турецким языком до языковой реформы 1930-40-х годов. Мусульманский новоперсидский развивался в симбиозе и конкуренции с арабским языком. В течение первых трех или четырех столетий письменный и разговорный персидский, таким образом, развивались параллельно: социально-лингвистическая дихотомия существовала, но по способу двуязычия с арабским, диглоссии в Иране не было. Иранская интеллигенция писала на арабском, говорила на персидском (и писала популярные очерки и стихи на персидском языке).

Состояние иерархического билингвизма нарушилось после монгольского нашествия: арабский всего восточного исламского мира испытал уменьшение своего ареала распространения в интеллектуальной области, где он стал, по сути, мертвым, классическим языком, в то время как персидский проник в философию и религиозно-светские науки, записываемые на персидском не только иранцами, но и турками, индийцами и т.д. Одновременно персидский язык стал бороться за гегемонию в качестве языка лингва-франка (язык, используемый в определенной сфере деятельности как средство межэтнического общения) в тех же регионах, где присутствовали другие наречия, наиболее важными из которых было несколько разновидностей турецкого.

Очевидно, двуязычие с арабским или турецким языком является достаточно поляризованной социолингвистической дилеммой, даже если она не усложнена диглоссией. Когда носители турецкого или, скажем, курдского, белуджского языка или пушту, считали необходимым достичь понимания у более широкой аудитории, они использовали письменный или устный персидский и его стилистику. Когда национальная персидская элита хотела выразить свою национальную идентичность по отношению к туркам или арабам в их среде, они использовали персидский язык – понятный и ценный для большой аудитории. Таким образом, для персидского языка не существовало проблемы хрупкости состава его лексики, синтаксиса и семантики благодаря отсутствию диглоссии.

Литература

1. . . - , 1352/1973.
2. *Е.Г.Броуне*. История литературы Персии, IV. - Кембридж, 1959.
3. *Герхард Доерфер*. Центральная Азия: тюркско-иранские языковые контакты. - Висбаден, 1967.
4. . . - , 1348/1969.
5. *Турхан Ганджеи*. Турецкий в домонгольской персидской поэзии. – BSOAS, 1986.
6. . . – , 1998.
7. . – , 1354/1975.
8. *Джон Р.Перри*. *Mirza, mashti* и *jujakabab*: Некоторые случаи аномального порядка слов в именных фразах персидского языка. - Кембридж, 1990.

References

1. *Abo 'l-Qāsem Anjavi-Shirāzi*. Tamsil va masal. - Tehran, 1352/1973.
2. *E.G.Browne*. A Literary History of Persia, IV. - Cambridge, 1959.
3. *Gerhard Doerfer*. Türkische Lehnwörter im Tadschikischen. - Wiesbaden, 1967.
4. *Khosraw Farshidvard*. Arabi dar Fārsi. - Tehran, 1348/1969.
5. *Tourkhan Gandjei*. Turkish in pre-Mongol Persian Poetry. - BSOAS, 1986.
6. *Tourkhan Gandjei*. Kalemāt va 'ebārāt-e torki dar Divān-e Kabir. – London: Daftar-e Khāk, 1998.
7. *Jalāl ad-din Homā'i*. Māhi az sar gande gardad, ney ze dom. – Tehran, 1354/1975.
8. *John R.Perry*. *Mirza, mashti* and *jujakabab*: Some cases of anomalous noun phrase word order in Persian. – Cambridge, 1990.